

Рена ЖУМАНОВА

ПТЕНЕЦ

Он был гораздо больше взрослого голубя. Но по всем признакам – не взрослая особь. Ребенок. Саша надел толстую рукавицу, подбитую ватином, и осторожно достал пленника из клетки. Свободной левой ладонью протягивал птенцу кусочки сырого мяса на небольшой дощечке. Тот жадно склёвывал предложенное, косил круглыми глазами, в желтоватом ободке радужки были настороженность и уязвимость одновременно. Сидел, цепко вонзив когти сухих лап в варежку. У него не было перепада между головой и туловищем, и только по судорожным движениям можно было понять, где между ними граница.

– Хошь подержать? Только вторую рукавицу надень.

Диля помотала головой.

– Можешь погладить. Но осторожно. – Саша поместил дощечку поверх клетки, поставленной на старый колченогий столик – сюда его мама, тетя Даша, обычно выставляла банки с молоком для покупателей, и нагнулся, чтоб Диле было удобнее. Для своих шестнадцати он был долговяз, и шестилетней Диле казался совсем взрослым парнем. Длинные его волосы, отпущенные по моде, шелковисто задели ее по лицу.

Дилька тихонько провела двумя пальчиками по светло-коричневым перышкам. И тот настороженно втянул голову в несуществующие плечи. Девочка отдернула руку.

– Саш, а кто это?

– Да черт его знает. Из гнезда выпал, наверное. Мне Борька его отдал. Мать ему не разрешила в квартире держать. Вот он и приволок. Бери, говорит, воспитывай.

– А откуда ты знаешь, как с ним обращаться? – Диля переводила взгляд с веселого Сашкиного лица на маленького нахохлившегося хищника.

Он был жалок, этот большой птенец неизвестной породы. Ему не хотелось прикосновений человека. Он покорно принимал пищу, но не ждал для себя ничего хорошего. И где-то, быть может, горевала о нем его большая и гордая мама...

– А может, для него бабочку поймать? – Диля неуверенно посмотрела на Сашку.

– Да не, ерунда. Что ему твоя бабочка? – Саша поправил на ее голове панамку. – А как, кстати, бабочка по-казахски будет, знаешь?

Диля опять качнула головой.

– Эх ты, мелкота! Ко-бе-лек! – Сашка засмеялся. – Смешное слово, правда?

Диля подхихикнула. Мальчик осторожно пересадил птенца в клетку и понес в сторону сарая. Она с обожанием провожала его взглядом. Саша такой умный. Столько всего знает. И казахские слова знает всякие. Диля тоже понимает некоторые. Но вот про бабочку – нет, не слышала. Год назад в садике воспитательницы велели купить и принести в группу зубную пасту и щетку: будем, мол, учиться зубы правильно чистить. На другой день папа по дороге с работы забежал в магазин и купил ей большой тюбик с надписью «Ромоги́н». Девчонки из группы принесли кто «Ягодку», кто «Чебурашку». Тюбики были маленькие и веселые, с цветными рисунками. Большой тюбик Диляры с темно-зеленой надписью по белому фону подвергли тщательному и придирчивому осмотру.

– Написано как-то непонятно, – сказала Ленка-ябеда, шмыгнув носом. Повертела тюбик в руках. – И рисунков нет. Как называется?

Диля пожала плечами.

– Это по-казахски, наверное, – догадалась Наташка-верзила, которая частенько портила простыни во время тихого часа. Причем серьезно портила – так, что нянечке приходилось мыть ее полностью, всю, с головы до ног. Потом она стояла, оперевшись на столик, абсолютно голая, ждала, пока ее переоденут. Все спали. Она была уверена, что никто не видит. Стояла с совершенно спокойным умиротворенным выражением лица. Диля смотрела сквозь полусмкнутые ресницы и сонно думала: и как ей не стыдно...

Девочки, окружившие их стайкой, разошлись. Инцидент с пастой был исчерпан. А Диле было почему-то не по себе. Как будто она, а не эта Наташка, в очередной раз обделала постель, и никто ей ничего не сказал, но каждый что-то такое подумал про себя...

– Глухие твои девочки, – смеялась потом мама. – Это по-болгарски написано – «По-мо-рин», понимаешь?

...Каждое лето папа привозил их с мамой сюда, к маминой подруге. Тут было очень хорошо. Можно было выйти из дома и сидеть на крылечке. Или собирать малину за гаражом. Или зайти с тетей Дашей в сарай и понаблюдать, как тетя доит темно-коричневую в белых пятнах корову Милку. А еще интереснее было у дяди Коли в гараже. Он целыми днями копошился там со старыми железками и деревяшками, почти не заходя в дом. В неизменной своей застиранной кепочке и с папироской. А потом вдруг приносил красивую нелакированную шкатулочку или ровненскую, беленькую в светло-коричневых разводах скалочку.

– Ну, мастер! – восхищенно всплескивала руками мама.

– Да вот, представь, яблоньку ту, возле малинника – помнишь? – стараясь не подавать виду, но не без гордости рассказывала тетя Даша. – Вот подъели ее зимой-то. Кто? Да зайцы, кто же еще. Ну вот из нее Колька теперь мастерит всякое.

...Они часто ездили на озеро, и дядя Коля за рулем своего старенького «Запорожца», зажав в уголке рта папироску, хитро подмигивал Диле в зеркало заднего вида. Она весело махала ему в ответ. С утра он выволок из гаража старенький двухколесный велик, на котором когда-то гонял шестилетний Сашка. Подкачал спущенные камеры. Подкрутил седушку и руль до нужного уровня. А потом Сашка за два часа научил Дильку кататься. Дома-то у нее был трехколесный, а на два колеса она перешла именно здесь.

Мама тихонько запевала что-нибудь вроде «Ой, рябина кудрявая». Тетя Даша подхватывала. Дядя Коля молча улыбался. Дома он бы взял гитару и подыграл. И на баяне он тоже умел...

Диля смотрела в окно «Запорожца» на неторопливо пролетавшие мимо белые кучеряшки облаков и представляла, что плывет там, по голубым волнам, среди белых чудесных птиц. Хотелось быстрее в воду. Она любила плавать. И этому ее тоже научил Сашка.

– Ты набери воздуха и ныряй, вода тебя сама удержит. Двигай руками и ногами, не останавливайся, поняла?

Дилька так и делала. Оказалось, что это действительно совсем легко – плыть под водой. Сначала она проплывала по паре-тройке метров, крепко зажмурившись. А потом Саша дал ей маску, и плавать стало еще интереснее.

– Коль, а давайте не на наше, а в Боровое съездим завтра? Погода вроде установилась, – предложила вечером за ужином тетя Даша. – И Свету проведем заодно, давно ведь не были.

– Да какое «давно»? Месяца не прошло! – у дяди Коли были свои планы, и он попытался оказать сопротивление. Но тетю Дашу переубедить было не-легко, и, тихо пробормотав свое обычное «фу-ты-боже-мой», сверкнув темными карими глазами, он молча направился в свой гараж. Ей-то чего, приказала – будет сделано, значит. А то, что «Запорожец» на ладан дышит и давно бы пора хозяину под ним полежать основательно – про то ей хоть говори, хоть нет.

– Урааа! – закричал Сашка. – На моторке погоняем! – Он вскочил из-за стола, побежал собираться. В Боровом жила его тетка, старшая сестра тети Даши, и это был еще один загадочный уголок, в котором у обычных людей были собственные моторные лодки, а дом стоял чуть ли не на самом берегу.

Да, это было продолжение сказки. Лес, и дома почти в самом лесу. Того и гляди, Маша и медведь выглянут из-за дерева. Или Аленушка с братцем Иванушкой. Диля тарашилась вокруг. Попив чаю у тети Светы, которая была такая же добрая и хлебосольная, как тетя Даша, они отправились к озеру.

– Саша, держи Дильку за руку, – сказал дядя Коля. Но это было излишним напоминанием. Саша и без того не выпускал ее доверчивую ладошку, чувствуя себя в ответе за эту мелочь.

– Давай я тебе всё покажу, расскажу. Вы же раньше тут не были? Ну ты не была, родители-то, конечно, были, как же. Во-он ту гору видишь? Красиво, да? Это гора «Слон». А вот туда посмотри. Не, не туда, а воон туда. Видишь камень большой среди воды? Это «Сфинкс». Запомнила? А вот та длинная гора – на кого похожа, угадай? Ну, смотри, вот же нос, борода, а тут как шлем. «Спящий рыцарь» это! Мы с классом туда в поход ходили. Ох и устал же я! Но зато и впечатлений на целый год...

Диля заворожено слушала. Как же тут было интересно. Как красиво. Как вкусно пахло сосновыми шишками. Неужели кто-то живет в такой сказке круглый год?... А потом дядя Паша, муж тети Светы, прокатил их на моторке с ветерком. Ветер трепал длинные Сашкины волосы, а он весело улыбался и кричал Диле, перекрикивая шум мотора, чтоб она крепче держалась за скамеечку. Диле хотелось, чтобы так было всегда.

...Назавтра они возвращались домой – папа забрал их с мамой на рабочем самосвале. Шофер папы, веселый дядя Володя, легко, как плюшевого медвежонка, посадил Дилю в высокую кабину, мама взобралась следом и взяла ее на руки, папа примостился с краю. Диляра держалась за ручку на передней панели, гнутую коротконогой буквой «П» и обмотанную синей изолентой, и вспоминала Сашу.

А потом была еще одна долгая-долгая зима, и постылый садик, и редкие, но многочисленные гости, для которых мама наготавливала огромную кучу еды. Они долго и с апетитом ели, пили коньяк и водку, раскатисто смеялись, хвалили мамину стряпню, потом долго-долго пили чай с баурсаками, пирогами и хворостом, а под занавес громко пели непонятное по маленькой книжке, которую мама называла песенником. Иногда какая-нибудь раскрасневшаяся тётя, блестя глазами, подхватив Дилю на руки, жарко целовала ее в обе щеки, что-то спрашивала, и Диля в этот миг жалела, что не успела убежать и спрятаться под кроватью или в шкафу.

...Следующим летом мама с Дилей опять приехали к тете Даше. Диляра всю дорогу в электричке ёрзала и теребила маму, которая, по обыкновению, углубилась в книжку, не замечая ничего вокруг.

Желтый «Икарус», доставивший их с вокзала к поселку, в котором жили друзья, фыркнув и выпустив струю сизого вонючего дыма, неспешно удалился. Мама с Дилей не торопясь прошли через площадь с невысоким белым Лениным на приземистом постаменте, проследовали тенистой аллеей с высокими елями. Вечером они обязательно придут сюда на прогулку. И, возможно,

увидят таких же дефилирующих туда-сюда взрослых с детьми, которых тетя Даша называет «отдыхающими». Дильке особенно запомнился с прошлых лет толстый и смуглый черноглазый мальчишка в белой рубашке с коротким рукавом, про которого тетя Даша, улыбнувшись, сказала: «Из Алма-Аты, наверное. А откуда еще? Таких булок только там выращивают». И они с мамой весело рассмеялись. Дилька тогда еще долго оглядывалась, пытаюсь лучше рассмотреть алма-атинскую «булку».

А вот и двухэтажный белый дом, который взрослые называли непонятно, но красиво – «СОЮЗГИПРОЛЕСХОЗ» и возле которого Диля с соседскими девчонками каждое лето скакали на асфальтовом пяточке – в классики, в штандер или в вышибалы. А вот и узкий тротуарчик с крупно потрескавшимся старым асфальтом. Трещины поросли травой, и это тоже было поэтично, сказочно и необыкновенно красиво. Сейчас из двора Смирновых раздастся негромкое предупредительное рычание. Так их черный сторож-великан, пёс Крис встречает незнакомых людей. Но он не злой. Просто большой и величественный. Крупные блестящие шерстистые уши свисают болтающимися мягкими тряпками, большой резиново-черный нос и умные, будто свысока глядящие на всё собачьи глаза. Миновав двор Смирновых, они подходили к знакомой и родной калитке. А вот кто-то уже вышел из дома, высокий, в клетчатой рубашке и подвернутых до колен штанах. Улыбается, присел на корточки и распахнул объятия.

– Приехали? Ну наконец-то! А то мама меня уже заколупала – «иди встречай, иди к остановке!»

– Ой, да ты еще вымахал с прошлого года, и в кого только? – Мама расцеловала Сашку и отдала ему сумки. Диля смотрела по сторонам. Что-то новое появилось во дворе. Оранжевая палатка, как в кино про геологов. И что-то исчезло... А где же большой тополь, который рос почти по центру двора?

– Да срубил его Коля, ну его, тополь этот. – Тетя Даша махнула рукой на вопрос подруги. – Всё ведь позагораживал нам тут, тень от него на полдвора и пол-огорода!

Диле было жаль могучего тополя, но не слишком. Когда-то, годика в четыре, она навернулась головой вниз с качелей, которые были привязаны к его толстой ветке. Это была простая дощечка на резиновых тросах. Без всякой спинки. Диля покачалась, а потом решила просто спокойно посидеть, отпустив руки. И кувыркнулась назад. Было очень больно. Дилька заревела. Был какой-то праздник, застолье, сбор выпускников техникума спустя двадцать лет или что-то такое. Гремела музыка, большой магнитофон с круглыми бобинами выволокли на крыльцо, протянув в дом удлинитель. Дымился мангал с шашлыком, распространяя сладкий мясной аромат. Мамы и папы не было видно в толпе гостей. И тут...

– Ну, что такое? – Чьи-то руки подняли ее с земли, усадили к себе на колени, стали тихо покачивать. – Больно ударилась? Ах они, эти нехорошие качели. Вот мы им щас наподдадим, да? – Сашка ласково улыбался Диле и гладил по волосам. Она улыбулась сквозь слезы. Брат, он был ей лучше всякого брата. – И давай мы тебе руки помоем сейчас, лицо оботрем. – Саша понес ее куда-то за дом, там стоял невысокий бак с прозрачной водой. Присев на край, мальчик смочил носовой платок («не бойся, он чистый, мама только сегодня мне выдала») и бережно протер ей щеки, осмотрел ладошки, промокнул их смоченным платком.

...И вот нет того тополя. Один широченный пенёк торчит из-под земли. А мастеровитый дядя Коля приделал к нему спинку и превратил в садовое кресло.

– Саш, а где твой птенец? – Диля внимательно осмотрела столик под навесом, заглянула в сарай и подсобку, но прошлогоднего птенца не было.

Саша не расслышал. Она повторила вопрос. Парень наморщил нос, будто собирался чихнуть.

– Да вырос он, Диль, понимаешь? Вырос и улетел. Далеко-далеко. Вот и всё. – Он усмехнулся и погладил её по голове. – А ты чего, к нему, что ли, ехала? Или ко мне?

Диля не ответила, отвернулась и зашла в дом. Их с мамой кормили. Стол был завален разнообразной снедью. Жареная рыба, отварные яйца, грибы разных видов... И это называлось «перекусить с дороги». Вечером же был обещан пирог с гусём.

– Дилёк, ты бы пошла, подышала воздухом-то, чего сидишь, не насиделась у себя в городе? – Тетя Даша, посмеиваясь, месила тесто, отдувалась, запястьем отводя со лба прядь каштановых волос.

– Да, доча, сходи, поиграй, там девочки на асфальте, подружки твои.

Резкий и неприятный звук вдруг просочился сквозь открытую форточку. Что-то между криком и визгом.

– Это что еще? – Мама в недоумении глянула на тетю Дашу. Та опять усмехнулась.

– А, так это у Смирновых теперь новое увлечение. Нутрий они завели.

– Нутрий???

– Ага. Смирнов сам-то их потом выделывает, а Машка шапки-обманки шьет.

– Ну и ну... Вот деловые-то какие соседи у вас, Даш.

– Да не говори. Ладно еще крик этот. К нам не так и доносится. А вонь-то, говорят, такая от них... Я к Машке теперь и не захожу... Извини, говорю, но я дальше калитки – ни шагу. – Тетя Даша иронически улыбнулась.

Диля тихо вышла из кухни в зал, присела у низенького книжного шкафа. Достала энциклопедию «Жизнь животных». Листала, думая о Саше. Какой-то он не такой стал. Разговаривает как-то по-другому.

– А Сашка-то жених уже, вырос-то как! – мама, будто прочитав на расстоянии ее мысли, громко восхитилась вдруг сыном подруги.

– Ага... Жених, жених. Палатку вот установил, блажь-то у них, все в палатках они теперь спят, мода такая пошла. Вечерами еще и мальчишки к нему приходят. Фонарь зажгут, закроются там, чего-то обсуждают. И что за разговоры у них бесконечные? В армию вот осенью пойдет жених этот. И как я буду? Исплачусь вся.

– Всё будет хорошо, Дашенька. Саша парень крепкий, сильный, компанейский. Не пропадет.

Дилька замерла, невольно прислушиваясь.

– Где ребенок-то наш? – Теть Даша выглянула в коридор, но в зал не зашла.

– Да вышла, наверное, во двор. Тихо вроде. Телевизор молчит.

– А чего там сейчас? В это время ничего интересного и нет для нее. Да у нас одна «Москва» и показывает. Ни «Алма-Ата», ни Вторая программа нормально не передают.

– А беркутёнок ваш куда делся? Дилька вон скуksилась чего-то.

– Дак это... Не говорила я тебе, когда по межгороду связывались. – Тетя Даша понизила голос. – Заболел он вскорости, как вы уехали. Не пил, не ел ничего. Отворачивался. В углу сидит, нахохлится. Сашка с ним и так, и эдак... В общем... – Тетя Даша вздохнула. – Сашка его в коробке из-под пылесоса похоронил. Пылесос мы вот брали новый, гэдээровский, очередь подошла... Коробка такая крепкая, основательная.

Мама помолчала.

– Дилька бы не проговориться... Она впечатлительная у нас.

– Так я Сашке и наказала: смотри, говорю, не проболтайся, девчоночку расстроишь зря. Скажи, улетел, мол. Птица-то вольная, и нечего её было с самого начала в дом тащить. – Тетя Даша опять вздохнула.

Дилька сидела, замерев. Потом потихоньку вышла на веранду, посмотрела через мелкие ячейки окна во двор. Сашка сидел на пороге своей палатки, читал журнал. Увлеченно и сосредоточенно. Отбрасывал знакомым ей движением волосы со лба. Диле хотелось подойти к нему. Но она боялась, что разревется, не выдержит. Она оглянулась. Топчан, на котором тетя Даша зимой держала сухофрукты, сушеные ягоды или грибы, был свободен и аккуратно застелен. Летом тут спали и гости, и сами хозяева в жаркие дни. Дила прилегла, натянув на голову старенький плед. Скрипнула дверь.

– Дилюша, ты что, уснула? А зачем с головой-то укрылась? Задохнешься.

Мама потихоньку сдвинула край пледа. Дилька не шевелилась. Лежала, отвернувшись к стене.

Мама присела на краешек топчана. Кашлянула.

– Диль. Ты же не спишь, я знаю. Ты на кого надулась-то? – Мама чуть потрепала Дилькино плечико. Плечико сердито дернулось. Мама фыркнула.

– Глупенькая ты. Некрасиво так себя вести в гостях. Нас все так ждали. А ты тут характер показываешь. Ну, что произошло-то? Тётя Даша расстроилась.

– Мам, давай домой поедем. – Дилька привстала, повернулась к матери. Смотрела строго. Нос и покрасневшие глаза припухли.

– Ууу, и на кого ты теперь похожа? – Мама улыбалась. – Папа бы сейчас сказал тебе «Кызылкөз Петрович».

Дилька опять повалилась ничком, закрывшись с головой.

– Прекращай давай спектакль. Большая уже, понимать должна. – Мамин голос зазвучал жестче. – Тётя Даша тебе как мать вторая. Когда тебе два годика было, и ты всё болела у нас, и непонятно чем, и врачи вот такой мешок антибиотиков дали, велели колоть. Ты-то не помнишь, конечно. А я тебя сюда привезла. А куда еще? Кому мы еще нужны? И Даша сказала: не будем колоть, дай бог, так поправится. И ты ела морковку с грядки, бегала тут, с котёнком играла. И Сашка тебя на коляске катал по всему посёлку, говорил: сестрёнка ко мне приехала из города. И вернулась ты домой здоровая и румяная... Воздух тут, понимаешь? Гулять можно подолгу. А с пятого этажа нашего много ли нагуляешь?

– Мам, а почему птенец умер? – Дилька опять откинула плед. Мама ответила не сразу. И смотрела не на Дильку, а куда-то сквозь решетчатое окно веранды.

– Слабый был он, Дилечка, вот и умер. Слабым в жизни быть нельзя.

– А если бы... если бы его не трогали, не подбирали люди?

– Если бы да кабы, дочка, знаешь такую поговорку? Кстати, вкусные какие грибы тетя Даша нажарила, да? А когда поедем в лес, дядя Коля тебя научит их собирать. Корзиночку тебе дадим маленькую, ножичек, будешь настоящим грибником. Грибы с жареной картошкой, ты, кстати, тоже тут в два годика попробовала. Выела всё из своей порции и говоришь: «Дай ещё бясу!» – Мама засмеялась. – Видали? Мясо ей подавай! Гены есть гены, ничем не вытравишь. А дядя Коля тогда заметил: устами младенца, мол.

Дилька примостила голову на коленях матери. Вздохнула.

– Мама, а Саша уже меня не любит?

– Ну что за глупости! Любит, конечно. Просто он уже большой парень, у него интересы свои есть, друзья... В армию вот скоро пойдет.

– А когда папа приедет?

– Как «когда»? Через неделю, как всегда. Ты что, соскучилась уже?

Дила снова накрылась с головой. Хотелось заснуть и не просыпаться.